

Современные теории этногенеза корейцев в работах учёных РК и КНДР

Вадим Сергеевич АКУЛЕНКО

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия, vakulenco@mail.ru

Аннотация. В работе рассматриваются современные теории этногенеза корейцев, представленные в исследованиях южнокорейских и северокорейских учёных. Анализируя достижения и проблемы северо- и южнокорейской историографии, автор применил общепризнанную в исторической науке методологическую систему, дающую возможность объективно и научно анализировать всё разнообразие эмпирических данных. В результате проделанной работы автор пришёл к выводу о том, что в настоящее время в южнокорейской историографии ведущей является теория гетерогенного миграционного этногенеза корейцев, в то время как в КНДР этногенез корейцев представляют автохтонным процессом.

Ключевые слова: теории этногенеза, корейцы, Республика Корея, КНДР, автохтонная теория этногенеза, миграционная теория этногенеза, чуждейская теория нации

Для цитирования: Акуленко В.С. Современные теории этногенеза корейцев в работах учёных РК и КНДР // Известия Восточного института. 2023. № 3. С. 14–22. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/14-22>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/14-22>

Contemporary Theories on Korean Ethnogenesis: A Study of South and North Korean Scholars

Vadim S. AKULENKO

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, vakulenco@mail.ru

Abstract. This study offers an examination of contemporary theories regarding the ethnogenesis of Koreans, presented by South and North Korean scholars. The author uses a methodological system that is widely accepted in the realm of historical science. This methodology maintains the integrity of the research by ensuring that the evaluation of the diverse range of information remains consistent, comprehensive, and unbiased. In conclusion, the author suggests that the predominant theory within South Korean historiography proposes a heterogeneous migratory theory for the ethnogenesis of the Korean people. This theory posits that the Korean people were formed through a complex process involving migrations of various groups of people, spanning from the Bronze Age up until the establishment of the first united state. Conversely, in North Korean historiography, the ethnogenesis of Koreans is portrayed as an indigenous process. The belief here is that the Korean ethnic group developed autonomously and mostly within its current geographical boundaries.

Keywords: theories of ethnogenesis, Koreans, Republic of Korea, DPRK, autochthonous theory of ethnogenesis, migration theory of ethnogenesis, Juche theory of the nation

For citation: Akulenko V.S. Contemporary Theories on Korean Ethnogenesis: A Study of South and North Korean Scholars // Oriental Institute Journal. 2023. № 3. P. 14–22. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2023-3/14-22>

Введение

Уже более 70 лет Республика Корея (далее – РК) и Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР) существуют как два независимых государства. Неудивительно, что в таких обстоятельствах как на Юге, так и на Севере сложилось свое видение того, кем являются корейцы и когда они появились. В данной работе будут рассмотрены современные теории этногенеза, представленные в работах учёных РК и КНДР.

Изучение и сравнение этих теорий полезно не только для российских исследователей, которые сталкиваются с серьезными трудностями при работе с материалами по ранней истории Кореи, но и для самих корейцев, так как это может способствовать сближению их позиций в будущем.

Источниковой базой исследования служат исторические труды учёных РК и КНДР, которые позволяют в полной мере изучить концепции национального эт-

ногенеза в северо- и южнокорейской историографии; справочная литература – толковые словари корейского языка, опубликованные в РК и КНДР; официальные издания национальной истории (учебные и академические).

В качестве теоретической базы выступает широкий спектр отечественных и зарубежных работ по общим проблемам этногенеза, написанных такими выдающимися учёными, как С.М. Широкогоров, Д. Белл, Б. Андерсен, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум, Ю.В. Бромлей и другие.

Теория автохтонного этногенеза корейцев в КНДР

Конец XX в. в КНДР ознаменовался серией катастрофических событий – распадом СССР, смертью Ким Ирсена и последовавшим за ними "трудным походом" (экономическим и гуманитарным кризисом 1995–1999 гг.). В этих обстоятельствах руководство КНДР мобилизовало все возможные средства для преодоления кризиса, включая идеологические.

Одним из результатов такой мобилизации стала новая чучхейская теория нации, которую автор относит к социобиологическому направлению примордиализма из-за особого места, которое в ней отводится "кровному родству". В этой связи термин "минчжок", который обычно передаётся на русский язык словом "нация", было бы правильно переводить как "этнонация". Однако в данной работе будет использован сложившийся вариант перевода.

Создателем новой теории учёные КНДР считают непосредственно Ким Ирсена. Её суть можно коротко передать следующим образом: нация формируется на основе четырех общностей (генетической, языковой, культурной и территориальной) в любой период времени. Таким образом, процесс формирования может начаться сколь угодно рано, особенно в той его части, которая связана с появлением особого антропологического типа. Раскрытию данной концепции посвящена отдельная монография Чхе Хиёля "Исследование чучхейской теории нации", вышедшая в философской серии коллекции научных работ корейских социальных наук в 2014 г. [30]. Однако работы, использующие данную теорию, появлялись и ранее. К примеру, в 2010 г. Ке Сунму обратился к вопросу формирования корейской нации, применяя положения чучхейской теории нации [8, с. 106–128].

Практическая значимость этой теории для северокорейской исторической науки заключается в том, что она позволяет обойти ограничения старой трактовки термина "минчжок" и ложится в основу нового понимания процесса этногенеза корейцев, которое в целом начало складываться ещё в 1970–1980-е гг. в свете находок ископаемых останков древнего человека и, возможно, под влиянием исторической школы КНР.

Важным толчком к началу пересмотра вопроса этногенеза корейцев послужило "обнаружение" в 1993 г. гробницы Тангуна (уезд Кандон города Пхеньян) – мифического основателя корейской нации. Значение данного события прекрасно описано в специально изданном по этому случаю сборнике статей "Тангун – родоначальник Кореи", переведённом в том числе на русский язык [2]. Особое место в нём занимает статья "Пхеньян – место возникновения корейской нации" Чан Учжина [2, с. 151–158], крупного северокорейского специалиста по физической антропологии, который вместе с Пэк Киха с начала 1970-х гг. опубликовал несколько работ, посвящённых обоснованию преемственности между палеолитическими населенными Корейского полуострова и современными корейцами [13, 14, 18, 19, 20, 21, 22]. Как следует из названия статьи, "обнаружение" гробницы и костяка Тангуна развеяло окончательные сомнения северокорейских учёных о том, где именно стоит искать истоки корейской нации.

Данное "открытие" дало мощный толчок для ревизии ранних этапов корейской истории, что отражено, к примеру, в новой версии "Общей истории Кореи"¹ ("

¹ Первое издание "Общей истории Кореи" увидело свет в 1956 г. Затем этот популярный исторический труд переиздавался в 1962, 1977, 1987 и 2009 гг. В большинстве случаев его содержание в значительной степени перерабатывалось в соответствии с новым подходом к трактовке истории Кореи.

조선통사") [27] – официальной версии корейской истории, издаваемой Академией социальных наук КНДР (사회과학원).

С ещё большим энтузиазмом северокорейские историки продолжили работу над изучением самых ранних страниц истории корейского народа. К уже имеющимся данным, доказывающим, по их мнению, автохтонный характер антропогенеза на Корейском полуострове, добавились новые костяки. Так, "хвэдэский" человек (Соксонни, уезд Хвэдэ, пров. Северная Хамгён) возрастом 300 тыс. лет [27, с. 18] был представлен как важное звено, доказывающее древнейший этап эволюции первобытного человека в Корее. А на примере "рёнгокского" (Рёнконни, уезд Санъвон, г. Пхеньян) и "сыннисанского" человека (г. Сыннисан, уезд Токчхон, провинция Южная Пхёнан) учёные КНДР делают вывод о переходе от древнего человека к современному [27, с. 21–22]. Что касается "мандалского" человека (Мандалли, район Сынох, город Пхеньян), время жизни которого ранее определяли как верхний палеолит, то его "осовременили", чтобы заполнить имеющуюся лакуну мезолита Корейского полуострова, выделение которого всегда вызывало затруднение. К этому периоду начали относить и стоянку Пупхори (СЭЗ Раджин-Сонбон, провинция Северная Хамгён) [27, с. 22].

Новая интерпретация уже имеющихся находок, как и появление ранее неизвестных, позволили учёным КНДР предположить, что антропологический тип корейцев начинает формироваться со времени появления первых представителей рода Номо. Если же рассматривать эту гипотезу в рамках новой чучхейской теории нации, то выходит, что со времён нижнего палеолита начинается постепенно формироваться одна из основ будущей корейской нации – "кровное родство". Пхеньян и его окрестности, где в результате бурного индустриального развития было обнаружено большинство из известных костных останков древних людей, превращается в центральную точку этого процесса. Данный факт последовательно доказывает в своих работах уже упомянутый Чан Учжин, опубликовавший в 2000-е гг. сразу две монографии, посвящённые данному вопросу: "Место возникновения корейцев – Пхеньян" [20] и "В поисках наших предков в глубокой древности" [19]. Выводы, представленные в данных работах, во многом повторяются в уже упомянутой новой версии "Общей истории Кореи". Кроме этого, Ко Кваннэль в своих работах сосредотачивает внимание на доказательстве автохтонности процесса формирования корейцев на основе сравнения антропологических особенностей древних корейцев и костяков, обнаруженных в других регионах Азии [5, 6, 7].

Другие важные компоненты корейской нации, по мнению северокорейских учёных, появляются намного позже и в целом связаны с так называемой тэдонганской культурой, о существовании которой впервые широко заявили 2 октября 1998 г. на специально проведённой для этого в столице КНДР научной конференции, во время которой её объявили одной из пяти великих цивилизаций древности. Современные северокорейские словари определяют её как культуру Раннего Древнего Чосона, появившуюся в XXX в. до н. э. [23]. Основные представления северокорейской науки о новой археологической культуре подробно изложены в монографии "Тэдонганская культура", написанной Чи Хвасаном и Со Гуктхэ и изданной в 2011 г. [25].

Стоит также отметить, что в феврале 1999 г. издательство Ассоциации северокорейских граждан в Японии "Хагу собан" выпустило атлас "(Самая новая) карта Кореи" с нанесёнными на карту древнего мира пятью колыбелями человеческой цивилизации, среди которых указана и долина реки Тэдонган. Там же на графиках и картах зафиксированы сложившиеся к этому моменту представления о процессе автохтонного антропогенеза на Корейском полуострове, периодизации ранней истории Кореи и Древнем Чосоне [3, с. 32]. Эта карта получила широкое распространение среди международного корееведческого сообщества.

Вопросу формирования Древнего Чосона, его территории и периодизации сразу после "обнаружения" гробницы Тангуна была посвящена целая серия статей в одном из центральных исторических журналов КНДР – "Рёкса квахак" или "Историческая наука". Тон им задал уже упомянутый сборник "Тангун – родоначальник

Кореи", в рамках которого Хо Чжонхо в статье "Корейская нация – единая нация с седой, пятидесятилетней историей" [2, с. 139–150] ещё раз перечислил основные представления о возрасте и характере корейской нации, сформировавшейся, по его мнению, 5 тыс. лет назад и не испытавшей после этого никакого внешнего влияния. Он же спустя два года в статье "Несколько основных вопросов и их решений в исследовании Тангуна и истории Древнего Чосона" обозначил четыре главных задачи для будущих поколений северокорейских историков, среди которых оказался и вопрос формирования корейской нации. Главный вывод самого Хо Чжонхо заключается в том, что корейская нация – это единая нация с пятидесятилетней историей, родоначальником которой является Тангун [29]. Развивая данный тезис северокорейские академики в новой редакции "Общей истории Кореи" пишут, что на финальном этапе этногенеза сформировалось этногенетическое ядро, вслед за чем последовало основание первого единого государства – Раннего Древнего Чосона, в чьих границах языковое и культурное единство, а также ощущение общего родства поднялись на качественно новый уровень, что позволило в период с конца 3 до начала 2 тыс. до н. э. превратить его население в единую корейскую нацию [24, с. 57–58].

Вопрос языкового единства подробно рассмотрел в своей работе по истории корейского языка Рю Рёль [12]. По его мнению, уже в период Древнего Чосона корейский язык в целом сложился, а языки различных протокорейских племён были не более, чем его диалектами. Более того, основываясь на данных антропологических исследований, он указывает на то, что отправным пунктом развития корейского языка стоит называть время существования "сыннисанского" человека, то есть верхний палеолит, так как антропологические особенности верхнепалеолитических жителей Корейского полуострова, а именно подбородочный выступ, уже позволяли говорить [12, с. 12–15].

Таким образом, согласно современному изложению автохтонной теории этногенеза корейцев в КНДР, корейская нация сложилась на основе четырёх постепенно формировавшихся общностей – генетической, языковой, культурной и территориальной. Временем оформления этногенетического ядра считается 3 тыс. до н.э., после чего последовало основание государства и относительно быстрое превращение протокорейцев в единую нацию уже к началу 2 тыс. до н.э. Сложившийся таким образом корейский народ, по мнению северокорейских учёных, непрерывно и неизменно существует до сих пор. Данные представления основываются на теоретических положениях чуждейской теории нации, разработанных Ким Ир-сеном, и построены на новейших достижениях северокорейской науки.

Теория гетерогенного миграционного этногенеза корейцев в РК

С 1990-х гг. в развитии теорий этногенеза в Республике Корея начинается новый этап. Благодаря успехам, достигнутым южнокорейской наукой в предыдущие десятилетия, а также применению новых естественнонаучных методов и улучшению сотрудничества с коллегами из Китая и России, в южнокорейской историографии возник новый консенсус относительно хода процесса этногенеза корейцев.

В 1990-е гг. значительный объём существующих данных о происхождении корейцев был обобщён в рамках двух наиболее заметных проектов. Первым из них является многотомник "Новая редакция Истории Кореи", изданный Комитетом по составлению национальной истории (국사편찬위원회) – правительственным учреждением, ответственным за изложение государственного взгляда на историю страны. В первом томе отдельная глава посвящена этногенезу корейцев [15, с. 89–169]. Над ней работали три автора – Чхве Моннён, Ли Гидон и Ли Сонгю. Чхве Моннён отвечал за подбор археологического материала, Ли Гидон – этнографического, а Ли Сонгю рассмотрел истоки корейской культуры на основе письменных источников. Наиболее интересными являются выводы Чхве Моннёна, который предложил рассматривать происхождение корейской культуры с позиций существования множества различных источников (다원론), подразумевая тем самым, что корейский этнос сформировался благодаря смешению сразу нескольких этнических групп.

Второй проект был реализован Академией наук Халлим (Университет Халлим). Учёные из разных областей подробно рассмотрели вопрос этногенеза корейцев в рамках двухтомника "Происхождение и формирование корейской нации" [27, 28]. В первую очередь здесь обращает на себя внимание подробный антропологический анализ, проведённый Пак Сончжу. Согласно его данным, особый антропологический тип корейцев начал формироваться в период неолита, что подтверждается на основании большой частоты долихоцефальной формы черепа у населения Корейского полуострова начиная с этого периода [27, с. 185–231]. Этнограф Ким Ёльгю в своём разделе указывает на широкие связи корейцев с народами Сибири и Дальнего Востока, отмечая при этом наличие более древних пластов, определение принадлежности которых пока является трудновыполнимой задачей [28, с. 365–369]. Ещё один этнограф, Чо Хынюн, в рамках проекта попытался ответить на вопрос о времени начала процесса этногенеза. По его мнению, его стоит связать с основанием Древнего Чосона и началом формирования корейского варианта шаманизма [28, с. 51–52]. Лингвист Сон Пэгин, в свою очередь, отметил существенные проблемы, связанные с соотношением фонем различных языков алтайской языковой семьи, на основании чего предложил учёным пересмотреть существующие представления о связях между корейским языком и алтайской языковой семьёй. Впрочем, своей оригинальной теории происхождения корейского языка Сон не предложил [28, с. 371–440]. Подробный археологический, антропологический и этнографический анализ происхождения корейцев, проведённый в рамках проекта Академией наук Халлим, ещё раз показал многослойность корейской культуры, указывающей на большое число компонентов, участвовавших в процессе этногенеза.

В 2000-е гг. концепция многокомпонентности корейского этногенеза получила своё продолжение в целом ряде работ. В первую очередь нельзя не отметить гипотезу о существовании "панъяпономорской культуры", которую впервые высказали в своих работах археологи Ким Чжэюн и Кан Инук. Ким Чжэюн видит связь между культурами стоянок Мунамни, Осанни и другими синхронными им памятниками на восточном побережье Кореи, с одной стороны, и сергеевским этапом руднинской культуры Приморья – с другой [11]. Она же выдвинула идею о том, что в периоды климатического максимума во время неолита (6,5 – 6 тыс. лет назад) и бронзы (3,4–2,9 тыс. лет назад) древнее население в обширном регионе бассейна Японского моря осуществляло активные контакты [10]. Ещё один археолог, Ким Ынён, предполагает тесные контакты носителей догребенчатой керамики с бойсманской культурой Приморья [9]. Кан Инук, в свою очередь, высказывает идею об общем культурном пространстве, протянувшемся с севера на юг через современный Приморский край и восточное побережье Кореи, отождествляя с ним такие известные современным историкам этнонимы, как Ымну (кит. илоу) и окчо (кит. воцзюй) [4].

Отдельным направлением в изучении происхождения корейцев с конца 1980-х гг. стало широкое применение естественнонаучных методов. К примеру, радиолюминесцентное исследование каменных инструментов позволило узнать о том, что древние жители Кореи использовали обсидиан, добываемый в разных регионах. К таким выводам в совместной работе приходят Ли Хончжон и Ли Хеён [16]. Однако наиболее популярными сейчас являются исследования, посвящённые анализу ДНК. Несмотря на то, что первоначально корейские исследователи использовали достижения своих зарубежных коллег, сейчас в их анализе есть и материалы, полученные местными учёными. К примеру, масштабные исследования mtDNA представителей восточных монголоидов были проведены Ким Уком. Что касается применения этих исследований к изучению происхождения корейцев, то довольно полный разбор представлен в работе Ли Хонгю. Основной его вывод заключается в том, что в генах современных корейцев присутствуют маркеры по меньшей мере четырех групп азиатских народов: северной (трансбайкальской), северо-восточной (амурской), южной (юньнаньской) и восточной (японской) [17].

Интересные выводы сделал на одонтологическом материале Пан Мингю, который сравнил одонтологические типы народов Сибири, Дальнего Востока и Кореи в разные периоды и выявил чёткую преемственность между жителями Корейского полуострова только с периода Корё (918–1392 гг.) [1].

В целом же весь комплекс полученных в 1990-е и 2000-е гг. данных о происхождении корейцев указывают на то, что процесс их этногенеза был длительным и сложным, а антропологический тип населения Корейского полуострова, начав формироваться в период неолита (или ранее), полностью сложился лишь после объединения Кореи под властью Объединённого Силла и Корё с VII по X в. При этом в течение всего этого длительного периода, занявшего не одну тысячу лет, на Корейский полуостров пришло несколько волн миграции, которые и сформировали облик современных корейцев.

В этой связи в современной исторической науке Южной Кореи, похоже, сложился новый консенсус относительно понимания процесса этногенеза корейцев, заключающийся в признании участия в нём большого числа различных компонентов. Отражение данной точки зрения можно увидеть в недавней работе хорошо известного российским коллегам археолога Кан Инука [4], который, развивая тезис Чхве Моннёна о множестве источников корейской культуры, характеризует процесс происхождения корейцев как "пёстрый", "сложный" и многокомпонентный. В этой концепции Корейский полуостров видится не замкнутым пространством, где в относительной изоляции сформировалась единая корейская нация, а зоной активнейшего контакта многочисленных культур и народов, которые постоянно смешиваясь и оказывая влияние друг на друга сформировали облик современных корейцев. Эту теорию автор данных строк предлагает называть гетерогенной миграционной теорией этногенеза, так как в самой Южной Корее отдельного её именованья пока не предложено.

Заключение

Как мы видим из всего вышеизложенного, в настоящий момент в двух корейских государствах сложилось очень разное понимание процесса этногенеза корейцев. На сегодняшний день северокаорейские учёные придерживаются теории автохтонного этногенеза, которую можно условно назвать чучхейской, так как она основывается на т.н. чучхейской теории нации, разработанной Ким Ирсеном и подразумевающей формирование нации на основе четырех общностей – генетической, языковой, культурной и территориальной – в любой период истории, что позволяет отнести её к социобиологическому направлению примордиализма.

Современная северокаорейская историография утверждает, что корейцы являются самым древним из непрерывно существующих народов, сформировавшимся автономно и без значительного влияния извне. Важным доказательством этой концепции служит выделение особой тэдонганской культуры, которая включает учёными КНДР в пятёрку самых древних цивилизаций человечества.

Не можем не отметить, что ряд положений этой теории выглядит достаточно спорно. Выделение особой тэдонганской культуры, большая часть стоянок которой ранее относилась к т.н. кунсанской культуре, кажется неубедительным, как и её периодизация. Трудно подтвердить и тезис о генетическом родстве между палеолитическими жителями Кореи, а также всерьёз говорить об автономности всего процесса антропогенеза и этногенеза на Корейском полуострове, особенно в свете последних достижений генетики и физической антропологии.

Что касается Южной Кореи, то здесь в свете новых археологических и генетических данных, полученных с использованием современных технологий, сформировалась теория, которая в этой работе названа теорией гетерогенного миграционного этногенеза. Археологические и антропологические исследования показывают активный обмен населения Корейского полуострова с соседними регионами в течение всего изучаемого периода, а генетические исследования подтверждают наличие генов, ассоциируемых как минимум с четырьмя группами древнего населения Азии.

Весь комплекс современных исследований вопроса этногенеза корейцев в Южной Корее указывает на то, что в течение длительного периода начиная с неолита Корейский полуостров был зоной активных миграций различных групп населения, которые постоянно смешивались между собой. Большинство исследователей приходит к выводу, что процесс этногенеза корейцев осуществлялся на полиэтничной основе, начался с переселения носителей культуры бронзы на Корейский полуостров в I тыс. до н.э. и завершился формированием первого объединенного государства – Объединенного Силла во второй половине VII в. Впрочем, часть исследователей указывает на то, что антропологический облик корейцев продолжил формироваться и сложился уже с образованием государства Корё (918–1392 гг.), а начаться мог и раньше – в верхнем палеолите.

Литература

1. Пан Мингю. Сравнительная характеристика одонтологического типа народов Сибири, Дальнего Востока и населения Корейского полуострова // *Корейские сибирские исследования*. 2010. Т. 14, № 2. С. 179–214.
2. Тангун – родоначальник Кореи. Сборник научно-исследовательских статей. Пхеньян: Издательство литературы на иностранных языках, 1994. 199 с.
3. (최신) 조선지도. 동경: 학우서방, 1999. 52쪽 = (Самая новая) Карта Кореи. Токио: Хагу собан, 1999. 52 с.
4. 강인옥. 우리의 기원, 단일하든 다채롭든: 상상과 과학의 경계에서 찾아가는 한민족의 흔적. 파주: 21세기 북스, 2022. 272 쪽 = Кан Инук. Наше происхождение одноставное или разнообразное: Следы корейского народа, обнаруживаемые в границах воображения и науки. Пхачжу: 21 세기 북스, 2022. 272 с.
5. 고헌렬. 씨비리엣주민들과 구별되는 신석기시대 조선옛류형사람 // *조선고고연구*. 2013. № 1. 22–27쪽 = Ко Кваннёл. Корейцы древнего типа в период неолита и их отличие от древних жителей Сибири // *Корейские археологические исследования*. 2013. № 1. С. 22–27
6. 고헌렬. 조선사회과학술집 479 고고학편:조선의 화석인류와 옛류형사람. 평양:사회과학출판사, 2014. 335쪽 = Ко Кваннёл. Коллекция научных работ корейских социальных наук № 479, серия археология: ископаемые люди Кореи и человек древнего типа. Пхеньян: Квахак пэкквасачжон чхульпханса, 2014. 335 с.
7. 고헌렬. 중국옛주민들과 구별되는 신석기시대 조선옛류형사람 // *조선고고연구*. 2013. № 4. 2–6쪽 = Ко Кваннёл. Корейцы древнего типа в период неолита и их отличие от древних жителей Китая // *Корейские археологические исследования*. 2013. № 4. С. 2–6.
8. 공명성. 조선사회과학술집 146 역사학편: 조선고대사연구 1 / 공명성, 계승무. 평양:사회과학출판사, 2010. 211 쪽 = Кон Мёнсон. Коллекция научных работ корейских социальных наук № 146, серия история: исследование древней истории Кореи 1 / Кон Мёнсон, Ке Сунму. Пхеньян: Квахак пэкквасачжон чхульпханса, 2014. 211 с.
9. 김은영. 러시아 연해주와 주변지역 신석기시대 전기 토기의 편년과 동태 // *고문화*. 2010, № 12 (76), 55–101 쪽 = Ким Ынён. Хронология и тенденции в ранненеолитической керамике российского Приморья и окружающих регионов // *Древняя культура*. 2010. № 12 (76). С. 55–101.
10. 김재운. 환동해문화권 선사시대문화의 이동과 동해기온변화와의 관련성에 대한 검토 // *동북아 문화연구*. 2021. № 1(66). 21–36쪽 = Ким Чжэюн. Обсуждение связи потепления в регионе Японского (Восточного) моря и перемещения древних панъяпономорских культур // *Исследования культуры Северо-Восточной Азии*. 2021. № 1(66). С. 21–36.
11. 김재운. 환동해문화권의 전기신석기시대 교차편년 연구 // *동북아 문화 연구*. 2013. № 34. 507–527 쪽 = Ким Чжэюн. Исследование смешанной хронологии [археологической] культуры раннего неолита панъяпономорских культур // *Исследования культуры Северо-Восточной Азии*. 2013. № 34. С. 507–527.
12. 류렬. 조선말력사(고대~10세기초). 1. 평양:사회과학출판사, 1990. 408쪽 = Рю Рёль. История корейского языка (древность – начало Х в.). Т. 1. Пхеньян: Сахвеквахак чхульпханса, 1990. 408 с.
13. 백기하. 조선사람머리뼈의 인류학적 특징 / 백기하, 장우진 // *고고민속론문집*. 1973. № 5. 110–133쪽 = Пэк Киха. Антропологические особенности костей черепа корейца / Пэк Киха, Чан Учжин // *Сборник работ по археологии и этнографии*. 1973. № 5. С. 110–133.
14. 백기하. 조선사람인종징표의 연령적변화 // *고고민속론문집*. 1975. № 6. 59–123쪽 = Пэк Киха. Возрастные изменения антропологических особенностей корейцев // *Сборник работ по археологии и этнографии*. 1975. № 6. С. 59–123
15. 신편한국사. 제1권. 서울: 탐구당 문화사, 1997. 536쪽 = Новая редакция истории Кореи. Т. 1. Сеул: Тхамгудан мунхва, 1997. 536 с.
16. 이현종. 우리나라 후기구석기시대인의 흑요석에 대한 전략적 활용에 대한 고찰 / 이현종, 이혜연 // *지방사와 지방문화*. 2005. № 8/1. 7–34 쪽 = Ли Хончжон. Исследование стратегического использования обсидиана в позднем палеолите Кореи / Ли Хончжон, Ли Хеён // *Провинциальная история и провинциальная культура*. 2005. № 8/1. С. 7–34.
17. 이흥규. 유전자로 찾는 한민족의 뿌리 // *한국사 시민강좌*. 2003. № 32. 28–55쪽 = Ли Хонгю. Поиск кор-

ней корейцев через ДНК // Гражданские лекции по истории Кореи. 2003. № 32. С. 28–55.

18. 장우진. 조선사람의 혈청학특징에 관한 연구 / 장우진, 이애경 // 고고민속론문집. 1984. № 9. 153–179 쪽 = Чан Учжин. Исследование серологических особенностей корейцев Учжин / Чан Учжин, Ли Эгён // Сборник работ по археологии и этнографии. 1984. № 9. С. 153–179.

19. 장우진. 아득히 먼 옛날의 우리 선조들을 찾아서. 평양: 사회과학출판사, 2009. 207쪽 = Чан Учжин. В поисках наших предков в глубокой древности. Пхеньян: Сахвеквахак чхульпханса, 2009. 207 с.

20. 장우진. 조선민족의 발상지 평양. 평양: 사회과학출판사, 2000. 173쪽 = Чан Учжин. Место возникновения корейцев – Пхеньян. Пхеньян: Сахвеквахак чхульпханса, 2000. 173 с.

21. 장우진. 조선사람의 기원 / 장우진, 림영규. 평양: 사회과학출판사, 1989. 351쪽 = Чан Учжин. Происхождение корейцев / Чан Учжин, Лим Ёнгу. Пхеньян: Сахвеквахак чхульпханса, 1989. 351 с.

22. 장우진. 조선사람이발의 인종특징에 대하여 // 고고민속론문집. 1979. № 7. 10–44쪽 = Чан Учжин. Об антропологических особенностях зубов корейцев // Сборник работ по археологии и этнографии. 1979. № 7. С. 10–44.

23. 조선말사전. 평양: 과학백사전출판사, 2004. 1726 쪽 = Словарь корейского языка. Пхеньян: Квахак пэкквасачжон чхульпханса, 2004. 1726 с.

24. 조선통사 (상). 평양: 사회과학출판사, 2009. 459 쪽 = Общая история Кореи. Ч. 1. Пхеньян: Сахвеквахак чхульпханса, 2009. 459 с.

25. 지화산. 대동강문화 / 지화산, 서국태. 평양: 외국문출판사, 2011. 246쪽 = Чи Хвасан. Тэдонганская культура / Чи Хвасан, Со Гуктэ. Пхеньян: Вегунмун чхульпханса, 2011. 246 с.

26. 최희열. 조선사회과학학술집 500 철학편: 주체의 민족리론연구. 평양: 사회과학출판사, 2014. 360 쪽 = Чхве Хиэль. Коллекция научных работ корейских социальных наук № 500, серия философия: исследование чуждейской теории нации. Пхеньян: Квахак пэкквасачжон чхульпханса, 2014. 360 с.

27. 한국민족의 기원과 형성. 상. 서울: 소화, 1996. 307쪽 = Происхождение и формирование корейской нации. Т. 1. Сеул: Сохва, 1996. 307 с.

28. 한국 민족의 기원과형성. 하. 서울: 소화, 1996. 366 쪽 = Происхождение и формирование корейской нации. Т. 2. Сеул: Сохва, 1996. 366 с.

29. 허종호. 단군 및 고조선력사 연구에서의 몇가지 기본문제들과 그 해명 // 역사과학. 1996. № 2. 43–47 쪽 = Хо Чхонхо. Несколько основных вопросов и их решений в исследовании Тангуна и истории Древнего Чосона // Историческая наука. 1996. № 2. С. 43–47.

References

1. Pan Mingyu. Comparative characteristics of the odontological type of the peoples of Siberia, the Far East and the population of the Korean Peninsula // Hanguk Siberia yeongu. 2010. Vol. 14, № 2. P. 179–214. (In Russ.).

2. Tangun – the ancestor of Korea. Collection of research articles. Pyeongyang: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh, 1994. 199 с. (In Russ.).

3. (The newest) Map of Korea. Tonggyeong: Hagu seobang, 1999. 52 p. (In Kor.).

4. Kang Inuk. Our origin is one-component or diverse: Traces of the Korean people, found within the boundaries of imagination and science. Paju: 21segi bukseu, 2022. 272 p. (In Kor.).

5. Ko Gwangnyeol. Koreans of the ancient type in the Neolithic period and their difference from the ancient inhabitants of Siberia // Joseon kogo yeongu. 2013. № 1. P. 22–27. (In Kor.).

6. Ko Gwangnyeol. Collection of scientific works of the Korean Social Sciences No. 479, Archeology series: fossil people of Korea and the man of the ancient type. Pyeongyang: Sahoe kwahak chulpansa, 2014. 335 p. (In Kor.).

7. Ko Gwangnyeol. Koreans of the ancient type in the Neolithic period and their difference from the ancient inhabitants of China // Joseon kogo yeongu. 2013. № 4. P. 2–6. (In Kor.).

8. Kong Myeongseong. Collection of scientific works of Korean Social Sciences No.146, History series: A Study of the Ancient History of Korea 1/ Kong Myeongseong, Kye ungm. Pyeongyang: Sahoe kwahak chulpansa, 2010. 211 p. (In Kor.).

9. Kim Eunyeong. Chronology and trends in Early Neolithic ceramics of the Russian Primorye and surrounding regions // Komunhwa. 2010, № 12 (76), P. 55–101. (In Kor.).

10. Kim Jaeyun. Investigation of the mixed chronology of the [archaeological] culture of the Early Neolithic of the Sea of Japan basin // Tongbuga munhwa yeongu. 2013. № 34. P. 507–527. (In Kor.).

11. Kim Jaeyun. Investigation of the mixed chronology of the [archaeological] culture of the Early Neolithic Pan-Japanese cultures // Tongbuga munhwa yeongu. 2013. № 34. P. 507–527. (In Kor.).

12. Ryu Ryeol. History of the Korean language (antiquity – the beginning of the X century). Vol. 1. Pyeongyang: Sahoe kwahak chulpansa, 1990. 408 p. (In Kor.).

13. Paek Kiha. Anthropological features of Korean skull bones / Paek Kiha, Jang Ujin // Kogo minsok nonmunjip. 1973. № 5. P. 110–133. (In Kor.).

14. Paek Kiha. Age-related changes in the anthropological characteristics of Koreans // Kogo minsok nonmunjip. 1975. № 6. P. 59–123. (In Kor.).

15. New edition of the History of Korea. Vol. 1. Seoul: Tamgudang munhwasa, 1997. 536 p. (In Kor.).

16. Yi Heonjong. A study of the strategic use of Obsidian in the Late Paleolithic of Korea / Yi Heonjong, Yi Hyeeyon // Jibangsawa jibangmunhwa. 2005. № 8/1. P. 7–34. (In Kor.).
17. Yi Honggyu. Search for the roots of Koreans through DNA // Hanguksa simin kangjiwa. 2003. № 32. P. 28–55. (In Kor.).
18. Jang Ujin. Study of serological features of Koreans / Jang Ujin, Yi Aegyeong // Kogo minsok nonmunjip. 1984. № 9. P. 153–179. (In Kor.).
19. Jang Ujin. In search of our ancestors in ancient times. Pyeongyang: Sahoe kwahak chulpansa, 2009. 207 p. (In Kor.).
20. Jang Ujin. The place of origin of the Koreans – Pyonyang. Pyeongyang: Sahoe kwahak chulpansa, 2000. 173 p. (In Kor.).
21. Jang Ujin. The origin of Koreans / Jang Ujin, Rim Yeonggyu. Pyeongyang: Sahoe kwahak chulpansa, 1989. 351 p. (In Kor.).
22. Jang Ujin. About the anthropological features of the teeth of Koreans // Kogo minsok nonmunjip. 1979. № 7. P. 10–44. (In Kor.).
23. Korean Language Dictionary. Pyeongyang: Kwahak baekkwaja sajeon chulpansa, 2004. 1726 p. (In Kor.).
24. General history of Korea. Part 1. Pyeongyang: Sahoe kwahak chulpansa, 2009. 459 p. (In Kor.).
25. Ji Hwasan. Taedonggang culture / Ji Hwasan, Seo Guktae. Pyeongyang: Wegukmun chulpansa, 2011. 246 p. (In Kor.).
26. Choe Huiyeol. Collection of scientific works of Korean Social Sciences No. 500, Philosophy series: A Study of the Juche Theory of the Nation. Pyeongyang: Sahoe kwahak chulpansa, 2014. 360 p. (In Kor.).
27. Hanguk minjogui kiwongwa hyeongseong. Sang. Seoul: Sohwa, 1996. 307 p. (In Kor.).
28. Hanguk minjogui kiwongwa hyeongseong. Ha. Seoul: Sohwa, 1996. 366 p. (In Kor.).
29. Heo Jongho. A few basic questions and their solutions in the study of Tangu and the history of Old Joseon // Ryeoksa kwahak. 1996. № 2. P. 43–47. (In Kor.).

Вадим Сергеевич АКУЛЕНКО, канд. истор. наук, доцент кафедры корееведения Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток, Россия, e-mail: vakulenco@mail.ru

Vadim S. AKULENKO, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Korean Studies, Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia, e-mail: vakulenco@mail.ru

Поступила в редакцию
(Received) 05.06.2023

Одобрена после рецензирования
(Approved) 18.08.2023

Принята к публикации
(Accepted) 08.09.2023